

ДЭВИД ЮМ

О РАВНОВЕСИИ СИЛ*

***Аннотация:** В этом очерке Д. Юм выдвигает идею равновесия сил как один из основополагающих принципов политического благоразумия. Он показывает благотворность этого принципа на разных примерах из античной истории (Греция, Рим) и применяет его к современной истории, затрагивая, в частности, опасности, заключенные в подъеме, сохранении и упадке гигантских монархий.*

***Abstract:** In this essay Hume advances the idea of the balance of power as one of the basic principles of political prudence. He demonstrates the beneficence of this principle on various examples from ancient history (Greece, Roman Empire) and applies this to contemporary history, in particular dealing with dangers involved in progress, continuance and downfall of enormous monarchies.*

***Ключевые слова:** власть, равновесие сил, политика, благоразумие.*

***Keywords:** power, balance of power, politics, prudence.*

Спрашивается, обязана ли *идея* равновесия сил своим появлением всецело современной политике, или только это *выражение* было изобретено в наши новейшие времена? В самом деле, Ксенофонт в книге «О воспитании Кира» (см. прим. 1) показывает, как объединение азиатских держав выросло из ревности к нарастающей силе мидян и персов; и хотя это изысканное в своей красоте сочинение является, надобно полагать, романом, это чувство, приписываемое автором восточным царям, доказывает, по крайней мере, что в древние времена так это в основном и понималось.

Во всей политической жизни Греции явно присутствует беспокойство в отношении равновесия сил, и даже античные историки ясно нам на это указывают. Фукидид (см. прим. 2) рисует образование союза против Афин и развязывание им Пелопоннесской войны как всецело вытекающие из этого принципа. Когда Афины пали и в спор за владычество (sovereignty) вступили фиванцы и лакедемоняне, обнаруживается, что афиняне (как и многие другие республики) всегда бросали себя на более легкую чашу весов и старались уберечь равновесие. До крупной победы, одержанной Эпаминондом при Левктрах, они поддерживали Фивы против Спарты; после этого они сразу же перешли на сторону побежденных, якобы из великодушия, на самом же деле из своей ревности к завоевателям (см. прим. 3).

* Перевод сделан по источнику: Hume D. Of the Balance of Power // Hume D. Essays Moral, Political and Literary. L.: Grant Richards, 1904. P. 339-348. *Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.*

Каждый, кто прочитает речь Демосфена «Для мегалополитян», сможет увидеть в ней те предельно изысканные уточнения этого принципа, которые то и дело приходили на ум какому-нибудь венецианскому или английскому спекулятивному мыслителю. А при первых признаках подъема македонского могущества этот оратор сразу разглядел опасность, забил тревогу по всей Греции и, наконец, собрал под знаменами Афин ту конфедерацию, которая выиграла великое и решающее сражение при Херонее.

Правда, греческие войны толкуются историками как войны скорее сопернические, а не политические; и каждое государство, похоже, больше имело в виду честь лидерства над остальными, а не обоснованные надежды на господство и владычество. Действительно, приняв во внимание небольшое число жителей в любой из республик в сопоставлении с целым, крайнюю трудность организации осад в те времена и необычайное мужество и дисциплину каждого свободного человека из числа этих благородных людей, мы придем к заключению, что равновесие сил в Греции само по себе достаточно гарантировалось и не нуждалось в том, чтобы его охраняли с той осмотрительностью, которая может требоваться в другие эпохи. Но чему бы мы ни приписывали переходы с одной стороны на другую во всех греческих республиках, *ревнивому соперничеству* или *предусмотрительной политике*, следствия были схожими, и каждая восторжествовавшая держава наверняка встречалась с противостоящей ей конфедерацией, последняя же часто образовывалась из бывших ее друзей и союзников.

Тот же принцип, назовем ли мы его завистью или благоразумием, который порождал *Остракизм* в Афинах и *Петализм* в Сиракузах и изгонял каждого гражданина, слава или власть которого резко возвышала его над остальными, — тот же принцип, говорю я, естественным образом проявлял себя во внешней политике и быстро поднимал врагов против ведущего государства, сколь бы оно ни было умеренным в осуществлении своего господства.

Персидский монарх по силе своей был на самом деле мелким царьком в сравнении с греческими республиками; и, следовательно, ему — больше из соображений безопасности, чем из соперничества — подобало интересоваться их раздорами и поддерживать в каждом споре слабейшую сторону. Именно такой совет был дан Тиссаферну Алкивиадом (см. прим. 4), и он продлил дни Персидской империи почти на столетие, пока сиюминутное пренебрежение им — после того, как впервые проявился честолюбивый гений Филиппа, — не повергло это величественное и хрупкое сооружение в прах, причем с такой скоростью, какую редко встретишь в истории человечества.

Наследники Александра проявляли великую ревность к равновесию сил, ревность, основанную на подлинной политике и благоразумии, и она несколько поколений сохраняла в неприкосновенности тот раздел, который был произведен после смерти знаменитого завоевателя. Удача и амбиции Антигона (см. прим. 5) вновь стали грозить им универсальной монархией; но их объединение и победа в битве при Ипсе спасли их. Впоследствии же мы обнаруживаем, что поскольку восточные цари считали греков и македонцев единственной реальной военной силой, с которой они как-то соприкасались, то они всегда зорко следили за этой час-

тью мира. Птолемей, в частности, поддерживал сначала Арата и ахейцев, а потом Клеомена, царя Спарты, не иначе как в качестве противовеса македонским монархам. Именно такое описание египетской политики дает Полибий (см. прим. 6).

Причина для предположения, что древние пребывали в совершенном неведении о *равновесии сил*, почерпнута, вероятно, больше из римской истории, нежели из греческой; поскольку деяния первой обычно больше нам известны, то из нее мы и формировали все наши выводы. Следует уяснить, что римляне никогда не сталкивались с подобными объединениями или конфедерациями против них, каких можно было естественным образом ожидать от их быстрых завоеваний и провозглашаемых ими устремлений; им было позволено мирно подчинять своих соседей, одних за другими, пока их владычество не распространилось на весь знаемый мир. Даже если не брать сказочную историю италийских войн (см. прим. 7), был после вторжения Ганнибала в Римское государство примечательный кризис, который должен был привлечь внимание всех цивилизованных народов. Потом оказалось (и это нетрудно было в то время наблюдать [см. прим. 8]), что это была борьба за всемирное владычество (*universal empire*); но при этом ни один царь и ни одно государство, похоже, не были ни в малейшей степени встревожены ни этим событием, ни предметом раздора. Филипп Македонский сохранял нейтральность до тех пор, пока не увидел победы Ганнибала, а затем самым неблагоприятным образом заключил союз с завоевателем — на условиях, еще более неблагоприятных. Он думал, что поможет карфагенянам в завоевании Италии, после чего те обязались отправить силы в Грецию, дабы помочь ему в подчинении греческих республик (*Commonwealths*) (см. прим. 9).

Родосская и ахейская республики всячески превозносятся древними историками за их мудрость и здравую политику; но обе помогали римлянам в войнах против Филиппа и Антиоха. И, что можно счесть еще более прочным доказательством того, что в те времена эта максима не была общеизвестной, ни один древний автор не отмечал неблагоприятия этих мер, ни один и слова упрека не бросил в адрес вышеназванного нелепого договора, заключенного Филиппом с карфагенянами. Цари и государственные деятели во все времена могут быть заведомо слепы в своих рассуждениях о событиях; но есть нечто необычное в том, что историки впоследствии не выдвигают более надежных суждений о них.

Массинисса, Аттал, Прусий — все они в удовлетворении своих частных страстей были орудиями римского величия и, видимо, даже не подозревали, что, содействуя завоеваниям своего союзника, сами куют себе цепи. Простой союз и соглашение между Массиниссой и карфагенянами, столь требуемые обоюдным интересом, не позволяли римлянам войти в Африку и оберегали свободу человечества.

Единственный царь, встречаемый в римской истории, который, похоже, понимал равновесие сил, — это Гиерон, царь Сиракуз. Будучи союзником Рима, он на протяжении всей войны вспомогательных отрядов посылал помощь карфагенянам и, по словам Полибия, проявлял «ревность в том убеждении, что спасение карфагенян выгодно и для его владычества в Сицилии, и для поддержания добрых отношений с римлянами. Весьма здраво и мудро заботился он о том, чтобы не дать сильнейшему народу возможности осуществлять все свои замыслы. Дей-

ствительно, никогда не следует допускать этого и давать какому-либо государству усилиться до такой степени, когда становится невозможным оспаривать посягательство его даже на права общепризнанные» (см. прим. 10). Вот цель современной политики, выраженная с предельной ясностью.

Короче говоря, максима сохранения равновесия сил в такой степени основывается на здравом смысле и очевидном рассуждении, что невозможно, чтобы она могла совершенно ускользнуть от античности, где в иных деталях мы находим много признаков глубокой проницательности и понимания сути вещей. Если она и не была тогда столь общеизвестной и общепризнанной, как сегодня, то, по крайней мере, оказывала влияние на всех более мудрых и более опытных царей и политиков. На самом деле даже сегодня, какой бы общеизвестной и признанной она ни была среди спекулятивных мыслителей, на практике среди тех, кто правит миром, она не имеет столь уж широкого авторитета.

После падения Римской империи форма правления, установленная северными завоевателями, сделала их в значительной мере неспособными к дальнейшим завоеваниям и долго удерживала каждое государство в должных его границах. Когда были упразднены вассалитет и феодальная милиция, человечество вновь было встревожено опасностью универсальной монархии, исходившей на этот раз от союза многочисленных королевств и княжеств в лице императора Карла. Но мощь дома Австрии, основанная на обширных, но разделенных владениях, и его богатство, происходившее главным образом от золотых и серебряных рудников, скорее распались бы сами, от присущих им дефектов, нежели смели бы все возведенные против них оплоты. Меньше чем за столетие сила этой неистовой и высокомерной расы была сокрушена, богатство ее рассеялось, а величие пришло в упадок. На смену пришло новое могущество, более опасное для европейских свобод; оно обладало всеми преимуществами первого и не страдало ни одним из его недостатков, разве что некоторой долей того духа мракобесия и угнетения, коим так долго был, да и до сих пор остается проникнут дом Австрии (см. прим. 11).

В общих войнах, которые велись против этой целеустремленной силы (power), на переднем крае была Великобритания, и она все еще сохраняет за собой эту роль. Помимо ее преимуществ в богатстве и местоположении, ее народ воодушевлен таким национальным духом и настолько восприимчив к благословениям своего правительства, что можно надеяться на то, что его энергия в столь необходимом и справедливом деле никогда не иссякнет. И, напротив, если судить по прошлому, его страстный пыл, пожалуй, следовало бы даже поумерить; ибо он чаще уклонялся от похвальных излишеств, чем от достойных порицания пороков.

Во-первых, мы, видимо, были больше одержимы древним греческим духом ревнивого соперничества, нежели руководствовались благоразумными воззрениями современной политики. Наши войны с Францией начинались по справедливости и даже, возможно, из необходимости, но всегда заходили слишком далеко из-за упрямства и страстной увлеченности. Тот же мир, который впоследствии был заключен в 1697 г. в Рисвике, предлагался уже в 92-м году; мир, заключенный в 1712 г. в Утрехте, мог быть заключен на столь же хороших условиях в 1708 г.

в Гертруденберге; а во Франкфурте в 1743 г. мы могли выставить те же условия, которые с радостью приняли в 1748 г. в Ахене. Отсюда мы, стало быть, видим, что больше половины наших войн с Францией и все наши государственные долги обусловлены больше нашей неблагоприятной горячностью, нежели амбициями наших соседей.

Во-вторых, мы столь прославились своей оппозицией французскому могуществу и настолько печемся о защите своих союзников, что они всегда рассчитывают на нашу силу как на свою собственную и, ожидая ведения войны за наш счет, отказывают нам при этом во всяких разумных условиях размещения. *Habent subjectos, tanquam suos; viles, ut alienos* (см. прим. 12). Весь мир знает, что фракционный голос Палаты общин в начале работы последнего Парламента, исходя из мнимого умонастроения нации, побудил королеву Венгрии к упрямству в выдвигаемых условиях и не допустил того соглашения с Пруссией, которое тотчас восстановило бы общее спокойствие в Европе.

В-третьих, мы настолько истинные бойцы, что, однажды ввязавшись, полностью утрачиваем всякое опасение за себя и своих потомков и смотрим только на то, как бы лучше досадить врагу. Делание столь высоких ставок в войнах, в которых мы не более чем соучастники, было, разумеется, самым фатальным заблуждением из всех, в коих до сих пор была повинна нация, сколько-нибудь претендовавшая на политику и благоразумие. Такое средство вложений, если оно лекарство, а не яд, следует со всей рассудительностью приберегать на крайний случай; и никакое зло, кроме величайшего и самого вопиющего, никогда не должно побуждать нас к тому, чтобы мы прибегали к столь опасному средству.

Эти излишества, в которые нас бросает, пагубны и могут, пожалуй, со временем еще более усугубиться в ином отношении, рождая, как это обычно бывает, противоположную крайность и делая нас полностью беспечными и безразличными к судьбам Европы. Афиняне, будучи первоначально самым неугомонным, любопытным, воинственным народом Греции, сочли ошибкой то, что они ввязывались в каждую ссору, и, отказавшись от всякого внимания к внешним делам, не участвовали больше ни на чьей стороне ни в одном соперничестве, разве что лестью и угодливостью в адрес победителя.

Гигантские монархии (см. прим. 13), вероятно, разрушительны для человеческой природы своим прогрессом, своим сохранением (см. прим. 14) и даже своим падением, которое никогда не может отстоять очень далеко во времени от их учреждения. Военный гений, давший монархии величие, скоро покидает двор, столицу и центр такого правительства, а войны ведутся на дальнем расстоянии и интересуют лишь малую часть государства. Древняя знать, привязанная своими чувствами к своему суверену, вся живет при дворе и никогда не примет военную службу, которая забросила бы ее на дальние и варварские рубежи, где она оказалась бы вдалеке от своих удовольствий и своей фортуны. Следовательно, оружие государства должно быть доверено наемным чужакам, лишенным рвения, привязанности и чести, готовым при каждом удобном случае повернуть его против государя и присоединиться к каждому отчаянному недовольному, который предложит плату и добычу. Так с необходимостью протекают человеческие дела. Так

человеческая природа сдерживает себя в своем возвышении; так честолюбие слепо работает на погибель завоевателя, его семьи и всего, что ему близко и дорого. Бурбоны, доверяясь поддержке своего смелого, преданного и любящего дворянства, продвигали свою выгоду безоговорочно и без ограничений. Подогреваемое славой и соперничеством, дворянство может стойко переносить тяготы и опасности войны, но оно никогда не согласилось бы прозябать в гарнизонах Венгрии или Литвы, будучи забытым при дворе и принесенным в жертву интригам всякого рода мелких сошек и приближенных к государю любовниц. Войска наполняются хорватами и татарами, гусарами и казаками, возможно, вперемешку с многочисленными солдатами удачи из лучших провинций; и печальная судьба римских императоров по этой же причине снова и снова повторяется, вплоть до окончательного распада монархии.

Примечания

Очерк «О равновесии сил» на русский язык до сих пор не переводился. Основной текст его идентичен в разных изданиях, но состав примечаний менялся. Здесь примечания даны по изданию: The Philosophical Works of David Hume. Vol. III. Boston: Little, Brown and Company; Edinburgh: Adam and Charles Black, 1854. В примечаниях, сделанных самим Юмом, в квадратных скобках указано, в какие издания «Очерков» они включены. Список этих изданий и их библиографические описания см.: Hume D. *Essays Moral, Political and Literary*. L.: Longmans, Green and Co., 1875. P. 85-86.

1. Ксенофонт, «Киропедия», кн. I. (Рус. пер.: Ксенофонт. Киропедия / Перевод В.Г. Боруховича, Э.Д. Фролова; издание подготовили В.Г. Борухович, Э.Д. Фролов; отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1976.)

2. Фукидид, «История», кн. I. (Рус. пер.: Фукидид. История / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Наука, Ювента, 1999.)

3. Ксенофонт, «Греческая история», кн. VI и VII. (Рус. пер.: Ксенофонт Афинский. Греческая история / Пер. С. Лурье. Ленинград: ОГИЗ Соцэкгиз – Ленинградское отделение, 1935.)

4. Фукидид, «История», кн. VIII.

5. Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», кн. XX.

6. Полибий, «Всеобщая история», кн. II, 51. (Рус. пер.: Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. Изд. 2-е., испр. Т. 1 (кн. I-V). М.: Наука, 2005. С. 240-241.)

7. В последнее время среди критиков возникли сильные подозрения, на мой взгляд, небезосновательные, в отношении первых веков *римской* истории, как если бы они были почти целиком сказочными до разграбления города *галлами* и даже сомнительными еще какое-то время после, пока греки не стали уделять внимание римским делам и предавать их записи. Но, полагаю, вряд ли этот скепсис в полной мере оправдан в отношении домашней истории *Рима*; в ней чувствуется некий дух истины и вероятия, и вряд ли она могла быть изобретением историка, лишенного морали или рассудительности настолько, чтобы предаться вымыслу и романтике. Революции кажутся настолько соразмерными их причинам, прогресс вовлеченных в них фракций – настолько удобным для политического опыта, нравы и максимы эпохи – настолько единообразными и естественными, что редко какая реальная история даст более справедливое отражение и улучшение. Разве не основывается размышление Макиавелли о Ливии (труд, несомненно, великой рассудительности и гения) всецело на этом периоде, преподносимом как сказочный? А потому я решительно расхожусь в сокровенных чувствах с этими критиками. Вполне допускаю, что битвы, победы и триумфы этих веков были крайне искажены фамильными воспоминаниями, как об этом говорил Цицерон. Но так как в описаниях домашних фракций присутствовали два противоположных отношения, передаваемых потомкам, то это удерживало от вымыслов и позволяло историкам позже собирать какую-то истину из сравнений и рассуждения. Даже половина той бойни, которую учинил Ливий в отношении эквов и вольсков, привела бы к обезлюдению Франции и Германии; и когда историка, так ее описавшего, могут справедливо упрекнуть в поверхностности, его в конце концов и самого шокирует неправдоподобие его рассказа. Та же любовь к преувеличениям, похоже, увеличивала численность римлян в их армиях и *census*. [Издания H (1752) и L (1757).]

8. Некоторые отмечали это, как видно из речи Агелая из Навпакта, на греческом общем совещании. См.: Полибий, «Всеобщая история», кн. V, 104 (рус. пер.: Полибий. Указ. соч. С. 473).

9. Тит Ливий, «История Рима», кн. XXIII, 33. (Рус. пер.: Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. II. М.: Издательство «Наука», 1991. С. 135-136.)

10. Полибий, «Всеобщая история», кн. 1, 83 (цит по.: Полибий. Указ. соч. С. 198).

11. Европа уже больше века обороняется от силы, возможно, величайшей из всех когда-либо создававшихся гражданским или политическим объединением человечества. И влияние обсуждаемой здесь максимы таково, что хотя эта целеустремленная нация в пяти последних общих войнах одержала победу четырежды*, а потерпела поражение только раз**, она при этом не расширила значительно своих владений и не приобрела тотального господства над Европой. Напротив, все еще сохраняется некоторая надежда на то, что это сопротивление продолжится так долго, что естественные обороты человеческих дел вкупе с непредвиденными событиями и случайностями смогут защитить нас от универсальной монархии и уберечь мир от такого большого зла. [Издания Н–Р (1752-1768).]

* Эти войны завершились Пиренейским миром, Нимвегенским миром, Рисвикским миром и Ахенским миром.

** Эта война завершилась Утрехтским миром.

12. «Помыкает нами, словно подданными, и презирает, словно чужеземцев» (лат.). Цитата из «Истории» Тацита, кн. I, 37. Приводится в пер. Г.С. Кнабе по изданию: Корнелий Тацит. Сочинения в 2 т. Т. 2. История. Л.: Наука, 1969. С. 22. – *Прим. пер.*

13. Такие, какие угрожают в настоящее время Европе. [Издания Н–О (1752-1764).]

14. Если в Римской империи было какое-то преимущество, то из этого может лишь вытекать, что человечество пребывало в целом в очень беспорядочном, нецивилизованном состоянии до ее учреждения.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 25.03.2022 (№ 2485)